

ПОЛИТОЛОГИЯ НОВЫЙ ЛЕКСИКОН

*Под редакцией профессора
А.И. Соловьева*

АСПЕКТ ПРЕСС

Москва
2023

УДК 327
ББК 66.4
П50

Рецензенты

доктор философских наук В.С. Комаровский
доктор политических наук, доктор исторических наук *Я.А. Пляйс*

П50 **Политология. Новый лексикон** / Под ред. А.И. Соловьева. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023. — 432 с.
ISBN 978-5-7567-1279-7

Представленные в книге статьи раскрывают понятия и категории, характеризующие актуальные формы традиционных политических процессов на современном этапе развития общества, а также описывают ряд новых явлений и процессов, находящихся на стадии концептуализации. Тексты содержат новые теоретические материалы, демонстрируют ряд нетривиальных идей и подходов, позволяют увидеть различные междисциплинарные связи при исследовании мира политики.

Книга предназначена для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений, изучающих политическую науку, а также для всех, кто интересуется проблемами современной науки.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-7567-1279-7

© ООО Издательство «Аспект Пресс», 2023

Все учебники издательства «Аспект Пресс»
на сайте и в интернет-магазине <https://aspectpress.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
-------------------	---

Раздел I

КОНЦЕПТЫ, ТЕОРИИ, ДИСЦИПЛИНЫ

Критическая расовая теория	10
Математика и политика	20
Политический альтернативизм	30
Политический инцидент-менеджмент	41
Политическое конструирование действительности	50
Теория вето-игроков	62
Теория селектората	71
Экономическая политология	80

Раздел II

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, УПРАВЛЕНИЕ

Государственная состоятельность	90
Деинституализация правящей политической элиты	101
Институциональный дизайн	112
Кликратия	124
Латентная сфера политики	135
Медиатизация политики	145
«Недостойное правление»: генезис, механизмы и последствия	153
Неформальное правление	164
Политическая стабильность	174
Политические скандалы	182
Политическое оспаривание	193
Политическое пространство	204
Публичная политика	214
Публичное управление	224
Разделенные общества: концепты и социально-политические реалии	235
Регион(ы) и регионализм(ы)	248
Сетевая публичная политика	263

Символическая политика	273
Современный популизм	279
Социальные арены публичной политики	291
Фронтир: политические ракурсы	301
Цифровое гражданство	311

Раздел III

ГОСУДАРСТВО И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОЛИТИКИ

Антикризисная государственная политика в условиях инфодемии	324
Государственная политика в области здравоохранения	335
Государственные решения	345
Конвергентные технологии и государственная политика	357
Международная передача знаний	366
Политика национальной идентичности	375
Секьюритизация политики идентичности	386
Современные миротворческие операции	392
Цифровое государственное управление	403
Этнополитика в глобальном измерении	411
Экологический патриотизм	422
Авторы	429

тивных процессов, столь ярко проявивших себя в контексте нынешнего внутриполитического кризиса в США.

С.Г. Туронок

Литература

1. Мангейм К. Идеология и утопия: диагноз нашего времени, М.: Юристъ, 1994.
2. Austin R. Sapphire Bound! // Faculty Scholarship at Penn Law. 1347. 1989.
3. Bell D. Who's Afraid of Critical Race Theory? // University of Illinois Law Review. 1995. Vol. 4. P. 893–910.
4. Brigety R.E. The Fractured Power. How to Overcome Tribalism // Foreign Affairs. March/April 2021.
5. Collins C. What Is White Privilege, Really? Recognizing white privilege begins with truly understanding the term itself // Teaching tolerance. ISSUE 60. Fall 2018.
6. Critical Race Theory: The Cutting Edge. Ed. By Richard Delgado, Jean Stefancic. 3rd ed. Temple University Press, 2013.
7. Delgado R., Stefancic J. Critical Race Theory: An Introduction. 2nd ed. New York University Press, 2012.
8. Executive Order 13950 of September 22, 2020. Combating Race and Sex Stereotyping Jones Camara Phyllis Levels of Racism: A Theoretic Framework and a Gardener's Tale // American Journal of Public Health. 2000. No. 90. P. 1212–1215.
9. Maxwell B. White America, Denial Won't Erase Racism // St.Peterburg times. 2000. December 6.
10. Wildman S.M. The Persistence of White Privilege // Washington University Journal of Law & Policy. 2005. P. 245.

Математика и политика

Проблемы взаимосвязи математики и политической науки имеют глубокую традицию. В целом можно выделить три основные области взаимосвязи, где математика и политические исследования успешно взаимодействуют¹. Во-первых, это использование статистических методов анализа, теории вероятностей и математической логики в обработке эмпирического материала с целью получения обоснованных суждений о дифференциации и взаимосвязи политических явлений, их группировки, влияния и динамики. Во-вторых, математика позволила обосновать механизмы взаимодействия людей в процессах публичного выбора в теории функций решения, пространственной модели коллективного принятия решений, стратегического голосования, теории коалиций и соглашений и др. В-третьих, политическая философия и философия математики часто оказываются взаимодействующими при обосновании фундаментальных метафизических или онтологических проблем политики. Известно, что «Математические рукописи» К. Маркса об исчислении переменных трактовались в аспекте диалектического материализма в природе и обществе. Теория политического Л. Витгенштейна опиралась на его

¹ В данном случае, говоря о положительном взаимодействии, мы следуем пока доминирующей стратегии рассмотрения математики и математического способа мышления как основы научной стратегии в познании, в том числе и политики. Конечно, есть обширная критическая литература, которая вполне соотносится с суждением Аристотеля о том, что «справедливость... — это вовсе не число...» (Аристотель. Большая этика. Соч. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 296).

логические и математические исследования. Концепции различий и деконструкции Ж. Деррида имеют много перекличек с философией математики А. Пуанкаре. Политическая онтология А. Бадью опирается на теорию множеств Г. Кантора, А.Н. Колмогорова и теорему неполноты К. Геделя. Обратим внимание на один из немногих моментов объединения математики и политики в концепции эпистемической демократии, где используется теория вероятности для обоснования корректности принятия решений на основе принципа большинства.

Обратимся к концепции эпистемической демократии, обосновывающей роль и значение знания массового участника принятия публичных решений. Если мы достигли определенного решения, то, согласно концепции, общественные ценности выражаются правильно посредством голосования или массового участия населения в публичных обсуждениях. «Эпистемическая демократия подчеркивает способность процессов коллективного принятия решений генерировать знания»¹. И хотя существует проблема соотношения невежества и знаний в политике (и объем знания не всегда оценивается позитивно)², основной задачей легитимности демократии выступает все же ее способность обеспечивать решения истинным знанием. Демократия формирует институты, в рамках которых обычные люди проявляют большую когнитивную способность.

Концепция эпистемической демократии появилась в начале 1980-х годов и стала ответом на тенденции популизма в политике³. В 1985 г. Калифорнийский технологический институт в США провел конференцию на тему объяснения и обоснования социальной теории. Главная проблема, которая возникала на конференции, заключалась в поиске ответа на вопрос: можно ли в процессе общественного выбора (концепция эпистемической демократии находится в конфликтных отношениях с теорией общественного выбора) получить обоснованный критерий правильности решений, который принимается на основании институтов массового голосования и обсуждения? У. Райкер в работе «Либерализм против популизма» (1982) утверждал о проблематичности в ходе общественного выбора достичь независимого критерия истинности решения: проблема состояла в том, есть ли независимый критерий истинности публичных ценностей. Популизм полагал, что всеобщая воля способна достигать обоснованной публичной ценности. Уильям Райкер скептически отнесся к популистскому суждению о том, что общая воля выступает критерием правильности общественного выбора. Он полагал, что выборы позволяют лишь менять политиков. Такой ответ не удовлетворил сторонников эпистемической демократии. Все же они полагали, что избиратель обладает определенными когнитивными качествами, а избирательный процесс строится на основе независимого критерия истинности, которым выступает справедливость и концепция общественного блага. Умеренная теория сторонников концепции стала заключаться в том, что таким критерием может быть «умная толпа». «Умная толпа» предполагает, что участники дискуссии обладают определенной информацией, которая несколько выше среднего избирателя.

¹ *Peter F.* Democratic legitimacy and proceduralist social epistemology // *Politics, Philosophy & Economics*. 2007. No. 6 (3). P. 330.

² *König P.D.* Truth versus ignorance in democratic politics: An existentialist perspective on the democratic promise of political freedom // *Contemporary Political Theory*. 2021. No. 20 (3). P. 614–635; *Hannon M.* Are knowledgeable voters better voters? // *Politics, Philosophy & Economics*. 2022. No. 21 (1). P. 29–54.

³ *Cohen J.* An Epistemic Conception of Democracy // *Ethics*. 1986. No. 97 (1). P. 26–38; *Goodin R., Spiekerman K.* An Epistemic Theory of Democracy. Oxford: Oxford University Press, 2018.

В основе концепции эпистемической демократии, легитимизирующей когнитивные основания избирательного процесса, лежит теорема жюри присяжных Кондорсе, выдвинутая в 1785 г. Согласно теории на избирательные участки приходят участники с определенной информацией. Если на участки придет группа с вероятностью 50% получения правильного ответа, то эта группа с большей вероятностью получит правильный ответ. В этом смысле общий смысл теории присяжных заключается в том, что если у нас вероятность правильного решения 0,5, то сколько нужно людей, чтобы они приняли участие в голосовании? В этом случае увеличение числа присяжных повышает степень принятия правильного решения. Если вероятность принятия правильного решения меньше 0,5, то увеличение числа присяжных ведет к понижению шансов принять правильное решение. Есть, конечно, ограничения на теорему Кондорсе: она распространяется только на два предпочтения, интенсивность снижения вероятности также зависит от того, является ли эта вероятность меньше или больше 0,5. Кроме того, это зависит от числа предпочтений, которые включаются в процесс рассмотрения. В этом отношении мы получаем различные вариации количества участников для получения правильного ответа. При этом независимый критерий истинности достигается более компетентным участником решения, которым и является средний избиратель.

Правильный ответ возможен с точки зрения большинства обладателей правильной информации. В этом смысле выборы выполняют важную функцию: они обеспечивают независимый стандарт правильных решений, дают нам правильный отчет о справедливости или общем благе. Второй момент: они дают нам представление о правильной политике, при том что каждый отдельный гражданин мотивируется на участие в голосовании не своими личными предпочтениями, а представлениями относительно общего блага, с которыми сочетаются эти личные представления. Избиратель или любой участник публичных обсуждений, который обладает когнитивным представлением о правильной политике, должен голосовать компетентно, независимо и искренне. Это важное свойство, которое мы должны иметь в виду, когда оцениваем те или иные выборы. Важно отметить, что социальное вычисление в этом процессе обеспечивается процедурой голосования, следуя которой получаются правильные решения на основе распределения индивидуальных голосов. Процедура справедливого и честного голосования способна приносить хороший результат и тем самым создавать легитимность выбора публичных ценностей. В этом отношении эпистемическая демократия говорит нам не только о том, что мы выбираем некоторых представителей, но и о тех институтах, которые способствуют выбору тех, кого нужно выбирать. Сами выборы лучше решают проблему сбора и использования информации для формирования правильной политики, формирования условий, которые определяют эту политику в соответствии с исходными публичными ценностями.

Смысл концепции эпистемической демократии состоит в ответе на вопрос, может ли массовый участник публичных решений дать правильное решение и что для этого нужно. Выражаются ли правильно общественные ценности посредством голосования? Выборы обеспечивают независимый стандарт правильных решений, т.е. отчет о справедливости или общем благе; они могут способствовать общественным дебатам, политической информации и политическим интересам. Голосование выражает убеждение в том, что является правильной политикой при надлежащей мотивации отдельных граждан голосовать за свое мнение отно-

сительно общей воли, а не за свои личные предпочтения (требования к избирателю голосовать компетентно, независимо и искренне). Процедуры справедливого и честного голосования в основном обладают общепризнанной способностью приносить хорошие результаты и тем самым создавать легитимность выбора. Как пишут авторы монографии «Эпистемическая теория демократии», «Претензия теоремы Кондорсе на применимость не зависит от того, что все знают все рассматриваемые истины, а скорее от того, что многие люди лучше, чем случайные, определяют их, а взгляды тех, кто не лучше, чем случайные, не являются систематически предвзятыми. Иными словами, мудрость множества зависит не от правильности каждого члена множества, а от ожидаемого большинства правильных голосов среди этого множества, что, в свою очередь, зависит от определенного уровня компетентности и отсутствия (или, во всяком случае, ограничения) систематической погрешности в любых ошибках»¹.

Эпистемическая демократия — через голосование — лучше справляется с мониторингом первоочередного распределения задач, чем рынки, бюрократия или судьи, отчасти из-за ее способности к сбору и обработке информации. Акцент на голосовании здесь не случаен. Именно этот институт вычисления информации долгое время считался лучшим способом общественного выбора. Однако в последние десятилетия на политическом горизонте стала проявляться тенденция, которая стала критически относиться к возможности осуществлять правильный выбор решения только посредством голосования. Отчасти с этим связана критика либерализма (неолиберализма) и его способности формировать правильную политику на основе вероятностного исчисления. «Улица» и «площадь» стали претендовать на адекватность выражения властных позиций для политического решения. Истинность результата голосования стала подвергаться сомнению и отвергаться сама процедура, основанная на вычислении средних мнений. В этом отношении популизм в качестве критерия обоснованности решений выдвинул политическую волю, а коммуитаризм обратился к политическому суждению. Где-то эти две позиции переплелись в общей легитимации прямых форм участия граждан в политике и управлении или в более мягкой форме использования гражданской науки при выработке политических решений властными органами. Здесь возникает что-то вроде «доказательной политики», которая базируется на широкой базе публичных знаний². Общий пафос эпистемической демократии сместился в сторону обоснования критериев правильности выбора на основе коммуникации, а не голосования, убеждения, а не рациональности, консолидированного мнения, а не вынужденного согласия с большинством.

Способность массовых движений производить обоснованные суждения уже отмечалась в литературе. Так, в поисках выхода из противоречия между популистским и технократическим напряжением по вопросу истины и политики, представленного в работе С. Розельфельда «Демократия и истина»³, З. Памук предлагает для решения две стратегии противостояния монополистическим тенденциям экспертных знаний: одна опирается на роль присяжных, другая — на социальные

¹ Goodin R., Spiekerman K. An Epistemic Theory of Democracy. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 305.

² Соловьев А.И. «Доказательная политика» и «политика доказательств»: дилемма постсоветских обществ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 14 (5). С. 61–80.

³ Rosenfeld S. Democracy and Truth. A Short History. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2019.

движения¹. Первая стратегия где-то концептуально близка к процедуре голосования обычными гражданами по вопросу авторитетного экспертного знания. Вторая стратегия включает в рассмотрение потенциал социальных движений, когда они превращаются в публичные с политическими претензиями. Тема социальных движений возникает не случайно и связана не только с вопросом оценки экспертной истины, но и с возможностью включить в процедуру рассмотрения дифференцированные подходы, что свойственно этим формам объединений граждан. Эти дифференцированные знания находятся в определенной системе взаимосвязи. Следует подчеркнуть то, что системность этого производства обеспечивается публичным пространством: «Важным для разработанной здесь системной модели является то, что различные компоненты в публичном пространстве могут собирать и объединять различные формы рассредоточенных знаний, которые затем могут быть переданы уполномоченным демократическим форумам»².

Особое значение этот процесс производства суждений приобретает в условиях развития социального компьютеринга, новых форм общественных вычислений, базирующихся на широте информации, ее разнообразии и способности массовых коммуникаций и движений на ее объединение. Как следует из исследований, «социальные вычисления и социальные сети связаны с пересечением социального поведения и вычислительных систем, создавая или воссоздавая социальные соглашения и социальные контексты с помощью программного обеспечения и технологий. Такие приложения оказывают глубокое влияние на социальное поведение и образ жизни, расширяя границы вычислительных технологий... В то же время социальные вычисления также меняют поведение людей и их повседневный образ жизни»³. В использовании термина «социальные вычисления» применительно к современной коммуникации, основанной на цифровых технологиях, не является формальным или простым метафорическим использованием для описания когнитивных процессов. Разрабатывая возможности компьютеринга применительно к исследованию политического мира, Дж. Дэнзайгер писал, что полезно будет «понять “вычисления” в широком смысле как по структуре, так и по функциям, как понятие, включающее различные информационные технологии, которые (1) основаны на устройствах микроэлектроники; (2) могут выполнять определенные задачи по обработке информации; и (3) включать механические, концептуальные, человеческие и организационные компоненты»⁴. Социальные вычисления касаются отношений человека и вычислительных систем, которые (ре)конструируют социальные соглашения и социальные контексты, чтобы обеспечить взаимодействие, принятие обоснованных решений и сотрудничество. В наиболее радикальной постановке вопроса речь идет уже о трактовке социальных систем как сложных коллективных компьютеров. «Результаты такого проекта могут, в свою очередь, — пишет Дж. Эванс, — стать катализатором более социально информированной компьютерной науки, рекомендующей отойти от таких основных парадигм исследова-

¹ Moore A., Invernizzi-Accetti C., Markovits E., Pamuk Z. & Rosenfeld S. Beyond populism and technocracy: The challenges and limits of democratic epistemology // *Contemporary Political Theory*. 2020. № 19 (4). С. 730–752.

² Benson J. Knowledge and Communication in Democratic Politics: Markets, Forums and Systems // *Political Studies*. 2019. No. 67 (2). P. 432.

³ Chen J. & Liu J. Introduction: Social Computing and Social Networks // *Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce*. 2014. No. 24 (2–3). P. 119.

⁴ Danziger J. Computing and the Political World // *Computers and the Social Sciences*. 1986. No. 2. P. 184.

ний, как проект искусственного (гуманоидного) интеллекта, и перейти к другому проекту, который соединяет человека с инопланетным интеллектом»¹.

Применительно к процессу познания мира индивидом понятно, что система человек—компьютер позволяет облегчить процесс познания и получить его результаты без предварительно установленной программы (можно сказать, без заранее ориентационной методологии). В публичном познании, основанном на суждении, прямая связь компьютера и человека преломляется в сетевые коммуникации, адекватные для получения обоснованности результата. В этом отношении поставленный в концепции эпистемической демократии вопрос о независимом критерии обоснованности публичного знания ставится в плоскости не формируемого по случаю большинства, а публичной сетевой коммуникации. В этом смысле публичное движение — это не просто субъект действия, а структура коммуникации, находящая логическое завершение в ее выявлении в публичном пространстве. Конечно, новые публичные движения, основанные на сетевой коммуникации, могут создавать угрозу политическому порядку, если последний не адекватен ее публичным ценностям. В этом отношении «по мере того, как вычисления вторгаются в наши личные миры, раздражая, прерывая или отвлекая нас, они потенциально еще более разрушительны в общественных местах, где друзья и незнакомцы одинаково ориентируются в сложном социальном контексте сосуществования».²

Свою эвристичность концепция эпистемической демократии уверенно демонстрирует при оценке выборов депутатов Государственной Думы в 2021 г., результаты которых известны, однако сохраняют и определенные вопросы. Высказывались суждения о нарушениях в ходе выборов, ЦИК РФ реагировала на часть из них. КПРФ, к примеру, с подозрением относилась к результатам голосования в Москве, социалисты отмечали сотни нарушений в первый день голосования. Особую критику вызвало дистанционное электронное голосование. Но ясно, что не все нарушения, которые были отмечены политическими партиями, можно подтвердить или они являются существенными для результатов выборов. При всех накладках 56 млн избирателей (около 52%) приняли участие в голосовании, и абсолютное число бюллетеней признано действительными, т.е. избиратели выявили свою волю. Недействительных бюллетеней оказалось не более 2%.

По сравнению с другими электоральными циклами выборы 2021 г. отличаются явной активизацией юридических механизмов организации выборов: все участники стремились находиться в границах законов и норм. Можно ли считать, что прошедшие выборы заложили новый этап в электоральных циклах России с 1993 г.?

В.В. Володин — председатель Государственной Думы — заявлял, что прошедшая кампания была одной из самых конкурентных за последнее время, уровень развития информационных технологий позволил сделать выборы прозрачными, открытость была максимальной. Возникает вопрос: достаточен ли был уровень конкуренции и повлияла ли она на правильность соответствующего выбора?

Если сравнить российские выборы с концепцией эпистемической демократии, то мы увидим ряд проблем. Самая главная из них состоит в том, что электоральный процесс в России понимается не как правильное выявление предпочтений, связанное с публичной политикой, публичными ценностями, а в качестве результата

¹ *Evans J.* Social Computing Unhinged // *Journal of Social Computing*. 2020. No. 1 (1). P. 4.

² *Shklovski I. & Chang M.F.* Guest Editors' Introduction: Urban Computing: Navigating Space and Context // *Computer*. 2006. No. 39 (9).

политической борьбы за обеспечение властных функций, в которой избиратель своей массовостью лишь легитимизирует соответствующий выбор. Но выборы имеют большее значение, так как позволяют в воле участвующих в голосовании увидеть распределение общественных предпочтений.

История российских выборов идет в этом правильном направлении: мы находимся на этапе формирования законных способов (процедур) управления электоральным поведением, обращая внимание на обеспечение независимого, искреннего, ориентированного на получение публичного блага поведения избирателей. В этом отношении результаты выборов 2021 г. демонстрируют частичное соответствие процедурам эпистемической демократии. Лишь стратегическое поведение доминирующей партии часто вступает в противоречие с этой тенденцией, ограничивая, а не расширяя пространство использования электорального научения. В аспекте эпистемической теории демократии отметим явный парадокс, касающийся размежевания на две части избирателей и две части партийного списка (рис.).

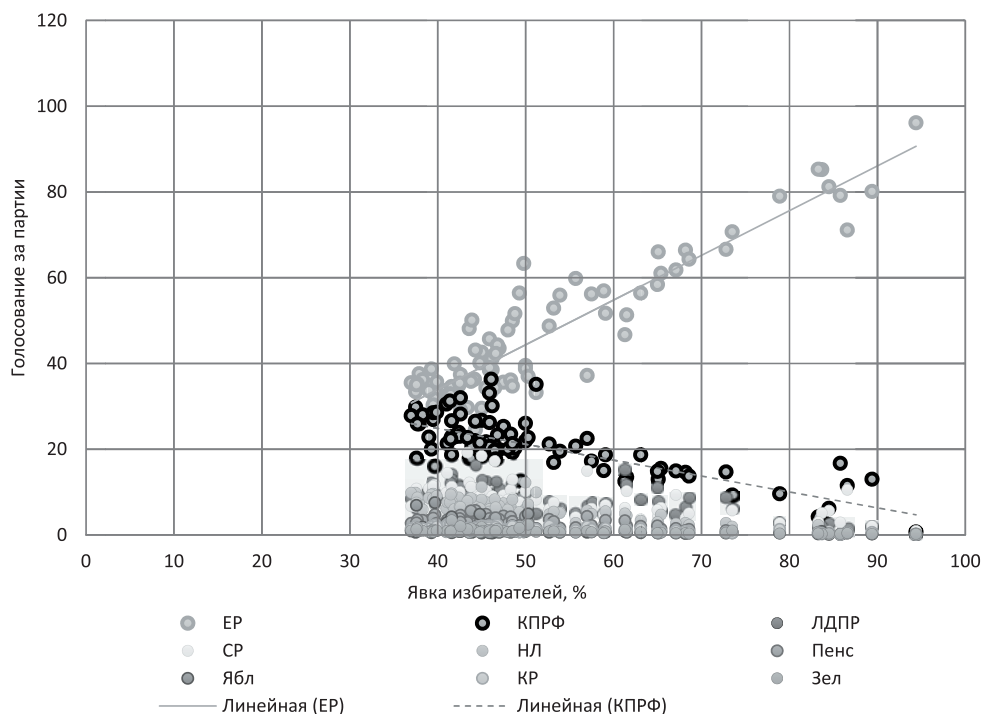

Рис. Явка избирателей и распределение голосов за политические партии на выборах депутатов Государственной Думы в 2021 г., %

На рис. явно отмечается раскол между партией «Единая Россия» (ЕР) и остальными партиями. В чем причина этого раскола? Связан ли он только с деятельностью политических партий, или на него также повлияли качества избирателей?

Отмечается различная ориентация линий тренда для ЕР (прямолинейная положительная связь между явкой и голосованием) и КПрФ (прямолинейная от-

рицательная связь). Значимо ли это для оценки результата выборов? Что можно сказать в этой связи о поведении избирателей?

На рис. отличима область наиболее плюралистического поведения избирателей по голосованию за политические партии в центре при относительно небольшой явке. Что это говорит о выборах? И их результатах?

Эти результаты можно объяснить в рамках концепции эпистемической демократии, акцентируя внимание на ведущей роли избирателей, а не только стратегии политических партий, которая в этом случае выступала вторичным фактором. Мы сознательно изменяем порядок переменных, чтобы подчеркнуть не конструктивистский характер избирательной кампании 2021 г. (партии формируют выборы), а зависимость партийной стратегии от настроений и знания избирателей.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на процент участия в выборах, на те 52% участия, которые стали выше, чем в 2016 г., но при этом некоторые считают, что такого процента недостаточно для легитимности. С точки зрения эпистемической концепции выборов наблюдаемый уровень участия свидетельствует о повышении уровня общей компетентности избирателя. В условиях сочетания снижения участия, повышения уровня плюрализма и конкурентности результат голосования был, как можно полагать, наиболее «правильным». Повышение средней компетентности избирателя с «чуть лучшей, чем случайное» до «чуть лучшей, чем считается» — вот что наиболее важно. Чем больше тех, чья собственная индивидуальная компетентность низка и кто не принимает участия в выборах (здесь, конечно, нет сопряжения), тем выше средняя индивидуальная компетентность тех, кто действительно голосует.

Если мы имеем в виду снижение участия в том плане, в котором оно связано с пониманием позиционирования каждой партии, за которую избиратель голосует на выборах, в сочетании с повышением уровня плюрализма и конкурентности результатов голосования, то результат, конечно, будет правильным. Если мы говорим о результатах выборов в Государственную Думу, то можно сделать вывод, что правильный результат мы находим в зоне, в которой наблюдается взаимосвязь поведения избирателя в условиях плюрализма, конкурентности и искреннего участия. Как показывает простое наблюдение за избирательной кампанией 2021 г., все политические партии ориентировались на растущую, но умеренную явку. Поэтому, когда с середины августа некоторые крайние участники электорального процесса предлагали бойкотировать эти выборы, бойкот как политическая стратегия не был эффективен, так как ориентации и избирателей, и партий были направлены на умеренную явку.

Рассмотрим поведение политических партий. Доминирующая партия, которая получила в целом более 70% мест в Государственной Думе и около 50% по общефедеральному округу, ставила целью удержание политического господства путем институционального закрепления за собой политического пространства. Если мы сравним результаты выборов по единому федеральному округу и мажоритарным округам, то поведение избирателей и результативность их выбора «Единой России» были одинаковыми как при голосовании за партию в целом, так и в случае голосования за лица. Наблюдается высокий коэффициент корреляции между данными этих двух видов голосования (коэффициент корреляции Пирсона равен 0,93). По-видимому, это говорит о том, что избиратель понимал условия, в которые он поставлен ведущей партией. Результаты стратегического поведения доминирующей партии — это гомогенизация политического пространства в географиче-

ческом и политическом смысле, ограничение или ликвидация зон политического доминирования для других участников, централизация информационных потоков и сужение плюрализма информации, создание доминантной системы политического рекрутирования и ориентация на взаимосвязанное стратегическое и идейно направляемое голосование своих сторонников в той части спектра взаимодействия со своими сторонниками, где можно было доминировать без учета большой степени конкуренции.

Ряд регионов явно демонстрирует эпистемическую направленность прошедших там выборов. К таким регионам следует отнести Омскую область, Костромскую область, Республику Саха (Якутия), Хабаровский край и др. — нами выделено двадцать таких регионов (табл.).

Таблица

Двадцать регионов России с наибольшими показателями плюрализма и конкуренции

	Явка, %	Голоса ЕР, %	Голоса КПРФ, %	Индекс Рэ	ENPV	Индекс конкуренции
Томская область	41,5	32,7	22,4	0,81	5,263158	10,3
Удмуртская Республика	47,5	35,6	25,3	0,78	4,545455	10,3
Новосибирская область	37,7	35,2	25,9	0,78	4,545455	9,3
Приморский край	42,6	37,4	28,2	0,76	4,166667	9,2
Республика Алтай	46,2	38,5	30,1	0,74	3,846154	8,4
Ивановская область	38,3	36,2	28	0,77	4,347826	8,2
Иркутская область	37	35,5	27,8	0,77	4,347826	7,7
Амурская область	41,6	34,3	26,6	0,78	4,545455	7,7
Сахалинская область	39,9	35,7	28,6	0,77	4,347826	7,1
Ярославская область	43,4	29,7	22,7	0,81	5,263158	7
Ульяновская область	45,9	39	33,1	0,73	3,703704	5,9
Республика Хакасия	37,5	33,4	29,8	0,78	4,545455	3,6
Алтайский край	41	33,7	30,5	0,77	4,347826	3,2
Республика Марий Эл	46,1	33,4	36,3	0,74	3,846154	2,9
Ненецкий АО	42,6	29,1	32	0,79	4,761905	2,9
Республика Коми	39,5	29,4	26,9	0,81	5,263158	2,5
Хабаровский край	44,3	24,5	26,5	0,83	5,882353	2
Республика Саха (Якутия)	51,2	33,2	35,1	0,75	4	1,9
Костромская область	39,5	30,3	28,5	0,79	4,761905	1,8
Омская область	41,4	32,9	31,2	0,77	4,347826	1,7

Ранжирование регионов по уровню конкуренции (приблизительно от 2 до 10 процентов), плюрализма предложений (индекс Рэ от 0,73 до 0,83) и эффективному числу электоральных партий (ENPV) (от 3,7 до 5,9) говорит о том, что, возможно, здесь наблюдалось искреннее, независимое и компетентное голосование, потому что все условия такого голосования были более или менее соблюдены. Если мы возьмем за основу регионы с высоким показателем эпистемического условия правильного выбора, то явка здесь составит в среднем 42,2%, результат «Единой России» — 33,5%, КПРФ — 28,8%. По-видимому, именно эти результаты следовало бы ожидать при соблюдении условий голосования в целом по России. Эта дифференциация регионов выступает важнейшим условием, которое определяет дальнейшую перспективность выборов. В регионах, где проводилось мобилизаци-

онное голосование, наблюдается низкая конкуренция, высокий уровень монополизации, низкий уровень партийной дифференциации, что делает процесс выборов зависимым и вряд ли компетентным. Менее разнообразные группы склонны приходить к худшим решениям, чем более разнообразные группы. Это наиболее очевидно в крайних случаях: группа идеальных клонов, в которой все голосуют одинаково, не может получить выгоду от голосования и агрегирования. В этом случае коллективный результат будет таким же хорошим, как и у любого отдельного члена группы. Полностью положительно коррелированные клоны не становятся умнее в больших цифрах, поскольку их голоса полностью взаимозависимы¹.

Конкуренция на выборах 2021 г. была различной, но одинакова по общефедеральному округу и одномандатным округам, что свидетельствует о состоятельности поведения избирателей, об одинаковом влиянии систем голосования на конкурентность. В конкурентных регионах достигался более или менее правильный результат. Важным компонентом оценки выборов является позитивно и негативно коррелированное голосование. Позитивно коррелированное голосование — это группы индивидов, которые имеют одинаковые представления и голосуют за одну и ту же политическую силу. И негативно коррелированное голосование, когда отмечается более или менее разнообразное голосование и нет доминирования голосов за одну политическую партию. В этом отношении для получения правильного результата негативно коррелированное голосование наблюдается в группах избирателей в пределах явки от 40 до 60%, и его можно считать соответствующим цели голосования — получения правильной политики.

Смысл концепции эпистемической демократии состоит в ответе на вопрос, может ли массовый участник публичных решений дать правильное заключение и что для этого нужно. Эпистемическая демократия — через голосование — лучше справляется с мониторингом первоочередного распределения задач, чем рынки, бюрократия или судьи, отчасти из-за ее способности к сбору и обработке информации. Акцент на голосовании здесь не случаен. Именно этот институт вычисления информации долгое время считался лучшим способом общественного выбора.

В последние десятилетия стала проявляться тенденция, которая стала критически относиться к возможности осуществлять правильный выбор решения только посредством голосования. Истинность результата голосования стала подвергаться сомнению и отвергаться сама процедура, основанная на вычислении средних мнений. Общий пафос эпистемической демократии сместился в сторону обоснования критериев правильности выбора на основе коммуникации, а не голосования, убеждения, а не рациональности, консолидированного мнения, а не вынужденного согласия с большинством. В этом смысле эпистемическая демократия стала противопоставляться концепции делиберативной демократии.

Л.В. Сморгун

Литература

1. *Аристотель*. Большая этика. Соч. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
2. *Соловьев А.И.* «Доказательная политика» и «политика доказательств»: дилемма постсоветских обществ // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. № 14 (5). С. 61–80.

¹ См.: *Goodin R., Spiekerman K.* An Epistemic Theory of Democracy. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 96–100.

3. *Benson J.* Knowledge and Communication in Democratic Politics: Markets, Forums and Systems // *Political Studies*. 2019. No. 67 (2). P. 422–439.
4. *Chen J. & Liu J.* Introduction: Social Computing and Social Networks // *Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce*. 2014. No. 24 (2–3). P. 119–121.
5. *Cohen J.* An Epistemic Conception of Democracy // *Ethics*. 1986. No. 97 (1). P. 26–38.
6. *Danziger J.* Computing and the Political World // *Computers and the Social Sciences*. 1986. No. 2. P. 183–200.
7. *Denning P.* Computing Science: The Great Principles of Computing // *American Scientist*. 2010. No. 98 (5). P. 369–372.
8. *Evans J.* Social Computing Unhinged // *Journal of Social Computing*. 2020. No. 1 (1). P. 1–13.
9. *Goodin R., Spiekerman K.* An Epistemic Theory of Democracy. Oxford: Oxford University Press, 2018.
10. *Hannon M.* Are knowledgeable voters better voters? // *Politics, Philosophy & Economics*. 2022. No. 21 (1). P. 29–54.
11. *König P.D.* Truth versus ignorance in democratic politics: An existentialist perspective on the democratic promise of political freedom // *Contemporary Political Theory*. 2021. No. 20 (3). P. 614–635. URL: <https://doi.org/10.1057/s41296-020-00436-y>.
12. *Moore A., Invernizzi-Acetti C., Markovits E., Pamuk Z. & Rosenfeld S.* Beyond populism and technocracy: The challenges and limits of democratic epistemology // *Contemporary Political Theory*. 2020. No. 19 (4). P. 730–752. URL: <https://doi.org/10.1057/s41296-020-00398-1>.
13. *Peter F.* Democratic legitimacy and proceduralist social epistemology // *Politics, Philosophy & Economics*. 2007. No. 6 (3). P. 329–353.
14. *Rosenfeld S.* Democracy and Truth. A Short History. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2019.
15. *Shklovski I. & Chang M.F.* Guest Editors' Introduction: Urban Computing: Navigating Space and Context // *Computer*. 2006. No. 39 (9). P. 36–37.

Политический альтернативизм

Обычно альтернативами¹ принято называть наличие неких *других* вариантов, т.е. не тех, которые приняты в настоящее время в науке или в практической жизни, а предполагающих нетрадиционный выбор, иное высказывание, выражение других мнений, позиций и т.д. В силу такого понимания в общественной жизни понятие «альтернативизм» обычно противопоставляется единомыслию, в то время как в политике альтернативизм означает необходимость выбора одной из двух или нескольких взаимоисключающих возможностей решения того или иного вопроса политической деятельности.

По мнению ряда ученых, альтернативная ситуация в политике, властной практике предполагает выбор наиболее эффективного варианта обсуждения и решения политических проблем, назревших задач². Впрочем, следует учитывать, что в отдельных, например критических, обстоятельствах политические акторы могут использовать и экстраординарные способы выбора альтернативных действий. Отметим также, что обозначенный термин применяется к медиа, обще-

¹ *Alternative* от лат. *alter* — «один из двух», в англ. языке — «вариант» или «выбор».

² Власть. Политика. Государственная служба: Словарь. М.: Луч. В.Ф. Халипов, Е.В. Халипова, 1996.